

УДК: 327

DOI: 10.31857/S2686673024070063

EDN: YCRRDQ

Китайский фактор в отношениях США и Индии: динамика и перспективы

С.В. Уянаев

Институт Китая и современной Азии Российской академии наук (ИКСА РАН)

117218, Российская Федерация, Москва, Нахимовский проспект, 32.

Scopus: 23486790800 ORCID:0000-0002-5471-8224 e-mail: svuyav@yahoo.com

Резюме. Роль «китайского фактора» в поступательном развитии отношений США и Индии не один год является актуальным предметом исследований. Влияние КНР на мотивы сближения в официальной американско-индийской повестке не афишируется, однако присутствует в ней де-факто. Не являясь для Вашингтона и Нью-Дели единственным стимулом встречных интересов, фактор «Китая» имеет, тем не менее, устойчивый характер. Целью данной статьи служит попытка проследить динамику «китайского фактора» в американско-индийских отношениях с начала текущего века, когда в них стартовал период нарастающего укрепления. Рассматриваются текущие и прогнозные взаимозависимости между интенсивностью связей двух стран и характером отношений каждой из них со стремительно развивающейся КНР.

Ключевые слова: США, Индия, Китай, фактор, сдерживание, стратегия ИТР.

Для цитирования: Уянаев С.В. Китайский фактор в отношениях США и Индии: динамика и перспективы. *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2024; 54(7): 72–86. DOI: 10.31857/S2686673024070063 EDN: YCRRDQ

The Chinese Factor in Relations between the USA and India: Dynamics and Prospects

Sergey V. Uyanaev

*Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences (ICCA RAS),
32 Nahimovsky prosp., Moscow, 117218, Russian Federation.*

Scopus: 23486790800 ORCID:0000-0002-5471-8224 e-mail: svuyav@yahoo.com

Abstract. The “China factor” is a rare item in the official agenda of the interstate dialogue between the United States and India. Nevertheless, the influence of Chinese policies on the nature of US-India relations is widely recognized not only at the expert level but also on the political sidelines, particularly in the United States. The “China factor” is not the only motive for the rapprochement between Washington and New Delhi, but its role is quite stable. This article makes an attempt to trace the dynamics of the Chinese factor in American-Indian relations from the beginning of this century when the accelerated strengthening of bilateral ties has started. The author examines the interdependence between the intensity of the US-India dialogue and the nature of the relations of each of the two countries with the rapidly developing PRC. Some scenario forecasts have been formulated.

Keywords: the US, China, India, factor, deterrence, Indo-Pacific strategy.

For citation: Uyanaev, S.V. The Chinese Factor in Relations between the USA and India: Dynamics and Prospects. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2023; 54 (7): 2–86. DOI: 10.31857/S2686673024070063 EDN:YCRRDQ

ВВЕДЕНИЕ

Фактор Китая, будучи одним из движущих мотивов поступательно развивающихся в последние десятилетия американско-индийских отношений, не один год является объектом пристального внимания политиков и экспертов. Причём, если на официальном уровне в США и в Индии данная тема носит, как правило, завуалированный характер, часто облекается в формулу «учёта политики отдельных стран», то в работах экспертов-страноведов роль «китайского фактора», явно влияющего на главные тренды связей Вашингтона и Нью-Дели, обсуждается весьма откровенно. Неслучайно вышедшее недавно в Индии очередное специальное исследование, имея показательный заголовок – «Подъём Китая и его влияние на стратегические отношения между Индией и США», обозначило целью изучение не только самого китайского фактора, но и «стратегических ответов, принятых обеими странами» [Singh, 2023: 1].

Сразу оговоримся, что наличие в нынешнем американско-индийском диалоге свыше полусотни разнообразных переговорных дорожек – от торговли и военнотехнического сотрудничества (ВТС) до энергетики и культуры – хорошо показывает, что фактор КНР отнюдь не исчерпывает сложившуюся за последние полтора десятилетия весьма насыщенную двустороннюю повестку [Уянаев, 2020: 18–23]. Но его присутствие является устойчивым, а порой и нарастающим.

НЕДАВНЯЯ ИСТОРИЯ

В политологических разработках на тему «США – Индия» повышенное внимание к особому, самостоятельному месту в ней китайского фактора стало проявляться в начале текущего века. При этом нельзя не заметить, что наблюдалась достаточно очевидная корреляция «фактора Китая» как с общей динамикой американско-индийских связей, так и с теми событиями, которые проходили в отношениях США и Индии со стремительно развивавшейся в последние десятилетия КНР. Чем более очевидным становился ускоренный и комплексный рост Китая, тем чаще «китайский» вопрос прямо или косвенно звучал в двустороннем диалоге США и Индии и, как правило, тем более статусной и насыщенной становилась повестка этого диалога в целом.

Как известно, отношения США и Индии – весьма сдержанные в прошлую биполярную эпоху, а затем пережившие упадок периода антииндийских санкций США в связи с ядерными испытаниями в мае 1998 года на полигоне Похран – в начале 2000-х годов вступили в полосу оживления. И если до этого фактор

Китай для связей двух стран не выглядел остро актуальным, то уже, скажем, в середине 2000-х годов о нём заговорили достаточно громко. Вспомним недавнюю историю. В 2000 году состоялся первый за многие годы визит президента США в Индию, и свои комментарии к нему американские специалисты начинали в основном с экономических мотивов. Указывалось, в частности, что поездка Б. Клинтона сулит многообещающие перспективы освоения индийского энергетического и телекоммуникационного рынка. Однако следующими пунктами симптоматично подчеркивались другие важные стимулы: не только известный тезис о логичности «сотрудничества двух крупнейших мировых демократий», но и возможность «прощупать» перспективы более тесных стратегических связей» [1].

А в редакционной статье, которую британский «Экономист» (*The Economist*) опубликовал накануне визита Клинтона, вслед за анализом, посвящённым взаимному сближению по проблеме Кашмира, рассматривался уже конкретно «китайский фактор». Откровенные рассуждения на этот счёт звучали тогда не часто. Тем более показательным, что в материале присутствовал отдельный раздел с говорящим названием «Приглядываемся к Китаю». «Второй момент сближения индийских и американских интересов, – подчёркивали авторы, – это тот, который в ходе этого визита, возможно, не получит открытого упоминания. Он заключается в том, что некоторые стратеги начинают думать об Индии как о противовесе Китаю». В комментарии особо подчёркивалось, что сторонники сближения на основе «антикитайского» стимула, «мечтающие о стратегическом партнёрстве между двумя великими демократиями», есть «как в Индии, так и в Америке» [Spesial, 2000].

В дальнейшем такого рода оценки стали появляться всё чаще и превратились практически в норму. Так, в преддверии визита Дж. Буша-младшего в Индию в начале 2006 года американские эксперты уже откровенно указывали, что «рассматривают укрепление отношений США с Индией как часть долгосрочных усилий по ограничению влияния Китая в Азии». О встречном, по сути, движении говорили и в Индии. И если политики в Нью-Дели чаще предпочитали завуалированный язык, то эксперты-политологи (например, профессор С. Гангули из Университета Индианы в Блумингтоне) высказывались откровенно и подчёркивали, что толчком для Индии служит «озабоченность растущим статусом КНР». А потому делался вывод, что Индия стремится «к более тесным отношениям с США как для улучшения своего общего положения в регионе, так и конкретно для укрепления своих позиций перед лицом Китая и Пакистана» [Rap, 2006].

К слову, сходные оценки изначально важной для Индии «роли китайского фактора, которую не стоит недооценивать», характерны и для российских специалистов: анализируя начальный период оживления американо-индийских отношений, они отмечают, что прежние надежды Индии «сдержать Пекин собственными силами» уступили место пониманию, что на фоне начавшегося китайско-

го подъёма лишь США «остаются незаменимым источником внешней поддержки» [Кортунов, 2023]. Немалую лепту в укрепление такого видения внесли не прошедшие незамеченными события в индийско-американских отношениях в 2005–2008 годах, когда Вашингтон пошёл на заметную либерализацию для Индии режима доступа к гражданским ядерным технологиям [Уянаев, 2009: 23]. Заключённую в эти годы так называемую индийско-американскую «ядерную сделку» многие эксперты прямо связали с попытками США вовлечь Нью-Дели в американские планы «сдерживания Китая».

В самой КНР, испытывая очевидную обеспокоенность, старались, тем не менее, реагировать осторожно. Но тот же «Экономист» откровенно писал: «Испытывая известное смущение, эксперты редко указывают на подъём Китая как на реальный аргумент, в силу которого США открывают ядерные двери для Индии. Однако, возможно, именно этот китайский фактор является фундаментальным импульсом, стоящим за американским подходом» [2].

В дальнейшем в оценке стимулов развивающейся американо-индийской повестки такой экспертный «угол» стал практически постоянным и неизменным. Тем более, что в начале 2010-х Вашингтон объявил о новом витке своей региональной политики, названном «возвратом в Азию» [3]. В комментариях политологов на эту тему акцент на «китайский фактор» лишь усилился. Подчёркивалось, что одним из важных элементов «обновлённой» американской стратегии в регионе служит «сближение с Индией в целях уравновесить мощный подъём Китая». Именно в этом контексте многие интерпретировали тогда слова заместителя госсекретаря США Уильяма Бёрнса, который в 2011 году чётко заявил: «Никогда ещё не было момента, когда Индия и Америка значили бы больше друг для друга. И никогда ещё не было момента, когда партнёрство между Индией и Америкой имело бы большее значение для остального мира» [4]. Хотя видный американский дипломат воздержался от «расшифровки деталей», было ясно, что за кулисами «виделся Китай», который лишь за первое десятилетие нового века почти утроил свою долю в объёме мировой экономики. Согласно данным МВФ, доля КНР в мировом ВВП с 2001 по 2010 год возросла с 3,5 до 9,1%. Не случайными для общей картины этого периода стали два события – подписание в 2005 году документа «Новые рамки отношений в сфере обороны», а также организация новой переговорной платформы – американо-индийского Стратегического диалога, первый раунд которого прошёл в июне 2010 года. В отношениях Вашингтона и Нью-Дели практически утвердилась ситуация, когда понятия «обеспечение безопасности» и «оборонное сотрудничество» означали, как правило, прежде всего, «противодействие» политике КНР.

Иными словами, трудно не заметить, что с начала века имели место несколько взаимосвязанных явлений – развитие американо-индийского диалога, параллельный рост в нём удельного веса китайского фактора, и всё это вместе – на фоне стремительного комплексного усиления самой КНР. Однако было бы опрометчивым не учитывать, что практически эти же годы (с начала века почти

до конца 2010-х годов) были также и временем устойчивого развития связей между Индией и Китаем, которые в 2005 году обрели статус отношений стратегического партнёрства. Казалось бы, эта ситуация плохо совмещалась со стратегией индийско-американского сближения «перед лицом КНР». Но два процесса шли в это период практически параллельно, поскольку, как справедливо указывали некоторые эксперты, факт развития отношений Пекина и Нью-Дели не снимал с повестки дня их «исторический взаимный антагонизм, порожденный территориальными спорами и региональной конкуренцией» [Шур, 2021: 583]. В целом такая картина лишь подчеркивала сложный характер взаимоотношений в реально сложившемся американо-индийско-китайском «треугольнике взаимовлияния». Каждая из сторон стремилась (и делает это сейчас) обеспечить себе в его рамках наиболее предпочтительные позиции.

ДЕСЯТИЛЕТИЕ НАРЕНДРЫ МОДИ

Интересно, что в 2013 году наблюдатели отметили некоторую сдержанность в развитии двустороннего диалога, которую многие списали, в частности, на дипломатический скандал в связи с арестом в США индийского дипломата, якобы уличённого «в мошенничестве». Можно говорить о совпадении, но именно в этот момент «китайская тема» в оценках стимулов американо-индийских связей заметно стихла. Например, она практически не звучала в аналитическом комментарии «Нью-Йорк Таймс» (*The New York Times*) к переговорам президента Б. Обамы и премьер-министра М. Сингха в сентябре 2013 года. Зато показательным стало указание на «низкие ожидания» от этой встречи [16].

Стоит сказать, что этому визиту предшествовал определённый спад, который наблюдался в частоте американо-индийских встреч на высшем уровне в целом. Если иметь в виду не только взаимные визиты, но и переговоры на полях международных форумов, то в 2010–2013 годах их было всего 4 – вдвое меньше, чем, скажем, в 2006–2009 годах.

На то, что это может иметь отношение, в том числе, к китайскому фактору, указывают ряд обстоятельств. Именно в этот период Вашингтон в своём диалоге с Пекином проталкивали идею «совместного с Китаем глобального формата G2». Кроме того, как сказано выше, параллельно пыталась выровнять свои отношения с КНР и Индия. Хотя на спаде могли сказаться другие факторы. Были, например, признаки того, что Индию «задело» американское внимание к Пакистану как главному посреднику в Афганистане, она была недовольна отсутствием подвижек в передаче ей нужных американских технологий и т.п.

Однако даже это охлаждение было недолгим, сменилось новым всплеском сближения, начавшегося после прихода к власти в Нью-Дели весной 2014 года кабинета под руководством Бхаратия джаната парти. Как считает ряд экспертов, это стало даже «поворотным моментом в укреплении американо-индийских отношений» [Шур, 2021: 583–584].

Забегая в сегодняшний день, отметим, что деятельность премьер-министра Нарендры Моди, возглавившего тогда правительство страны, в контексте отношений с США примечательна его взаимодействием последовательно с тремя американскими президентами. Важно, что смена конкретных участников диалога не только не повлияла на восходящую линию отношений, но и по ряду признаков действительно дала ей новый толчок.

Уже первые контакты между новым правительством Индии и администрацией Б. Обамы были отмечены очередными заметными шагами вперед. Достаточно сказать, что менее чем за два года (с сентября 2014 по август 2016 годов) лидеры США и Индии провели восемь личных встреч. И вновь привычным политическим и экспертным контекстом, сопровождавшим эти встречи, звучал, среди прочего, «фактор Китая».

В официальных документах по итогам обмена визитами на высшем уровне в 2014 и 2015 годах Китай, как и раньше, прямо не упоминался. Но в них, среди прочего, показательно перечислялись угрозы «свободам судоходства и морской безопасности в Южно-Китайском море». А это практически не имело иного прочтения, кроме как «сигнал в сторону КНР», претендующей, как известно, на контроль над данным морским районом. Именно как явный шаг по «противодействию Китаю» эксперты оценили, например, подписанный в январе 2015 года в ходе визита Б. Обамы в Индию документ под заголовком «Совместное стратегическое видение в АТР и в Индийском океане», где как раз содержались сюжеты, связанные с «обеспечением безопасности» в ЮКМ.[5]

Через год, когда свой уже третий визит официальный визит в США совершил Н. Моди, эта тенденция лишь подтвердилась. «Индия и США переживают тесное сближение по вопросам обороны, чему, в том числе, способствовало американское желание создать сеть партнёров по безопасности в более широком АТР на фоне растущей активности Китая», – писал летом 2016 года журнал «Дипломат» (*The Diplomat*), акцентируя внимание на том, что в ходе визита США предоставили Индии статус «главного оборонного партнёра».[Panda, 2016] Логичным продолжением этой линии стало подписание вскоре сторонами соглашения, «регулирующего использование сухопутных, воздушных и военноморских баз друг друга для ремонта и пополнения запасов». Сообщившее об этом агентство «Рейтер» (*Reuters*) буднично отметило, что соглашение «является шагом к укреплению оборонных связей в стремлении противостоять растущей напористости Китая на море» [7].

Но, пожалуй, еще большее ускорение и американо-индийский диалог в целом, и его элементы, связанные с «безопасностью» (а значит, повторим, и с Китаем), получили в период президентства Д. Трампа, когда заметно обострилась конкурентная часть отношений Вашингтона и Пекина. Именно в эти годы в США в виде официальной стратегии была сформулирована Индо-Тихоокеанская доктрина, включившая ряд документов Госдепа и Министерства обороны [8]. С одной стороны, она несла нескрываемый отпечаток тезисов при-

нятой в 2017 году ранее Стратегии национальной безопасности, которая объявила Китай системным «противником США» и обвинила его в «подрыве стабильности и процветания» в регионе, в частности в Южно-Китайском море, с другой – концепция ИТР концентрировала повышенное внимание на Индии, как на «сильной стране, способной стать противовесом Китаю» [9] и «партнёре, имеющим жизненно важное значение для интересов США» [10].

Эти обстоятельства нашли отражение в ходе официальных саммитов и других событий конца 2010-х – начала 2020-х годов. Во-первых, сформировалась не только концептуальная, но и практическая часть американской стратегии ИТР. Была реализована давняя идея создания Четырёхстороннего стратегического формата, известного ныне как «четвёрка» (*Quad*), куда наряду с США, Японией и Австралией вошла и Индия. В 2019 году прошло первое заседание министров иностранных дел этой структуры, которая была названа «главной региональной группировкой». Эти встречи проложили дорогу саммитам «четвёрки». В регионе и за его пределами вновь заговорили о новом формате «реакции на фактор Китая».

Во-вторых, дальнейший импульс получили американо-индийские связи в области обороны и ВТС. В Совместном заявлении 2017 года, подписанном в Вашингтоне Д.Трампом и Н. Моди, обрёл конкретную легитимность статус Индии как «главного партнёра в сфере обороны». Речь шла о «совместной работе над передовой оборонной техникой и технологиями на уровне, соизмеримом с уровнем ближайших союзников и партнёров США». По сути, Индия приравнивалась к странам НАТО.

Это было подтверждено последующими договоренностями и практическими шагами, в частности, Соглашениями о совместимости и безопасности связи (COMCASA, 2018 год), дающим Индии доступ к передовым войсковым коммуникационным технологиям, об обмене геопрограммными разведданными чтобы повысить точность индийских дронов и крылатых ракет (BECA, 2020 год), о поставках американских военных вертолётов и другой техники (2020 год).

Политики и эксперты в своём большинстве уже привычно связывали эти шаги с интересами сторон перед лицом «китайского вызова». При этом Вашингтон, в отличие от Нью-Дели, по-прежнему высказывался практически открыто. Как откровенно заявил в ходе пресс-конференции по итогам третьего заседания формата «2+2» (запущен в 2018 году с участием министров обороны и иностранных дел) глава Пентагона Марк Т. Эспер, США и Индия привержены сохранению свободы и открытости Индо-Тихоокеанского региона, «особенно в свете растущей агрессии и дестабилизирующей деятельности Китая» [11].

НА ФОНЕ ТУРБУЛЕНТНОСТИ

Смена в 2021 году администрации в США не внесла изменений в её подходы к сотрудничеству с Нью-Дели, в том числе в части императивов и стимулов, связанных с Китаем. Более того, они заметно усилились.

Очевидными причинами послужила, во-первых, консервация, а порой и усиление, начавшейся ещё при Д. Трампе американо-китайской напряжённости. Во-вторых, с весны-лета 2020 года как результат первого за почти полвека кровопролитного пограничного столкновения в Гималаях резко ухудшились отношения с Китаем и у Индии, причём выхода на прежнюю траекторию в целом устойчивого сотрудничества между Пекином и Нью-Дели пока не произошло. Своё влияние имели и тенденции глобального порядка, включая те, что оказались связаны с резко обострившимся в начале 2022 года украинским кризисом и последующей поляризацией мировых сил.

Иллюстрацией могут служить те же американо-индийские контакты на высшем уровне. С момента прихода к власти в США нынешней демократической администрации и до весны 2024 года (то есть за три с небольшим года) Джо Байден и Нарендра Моди провели в различном формате 9 переговорных встреч. В том числе индийский премьер дважды посещал США – в сентябре 2021 года (для участия в переговорах лидеров «четвёрки») и в июне 2023 года с официальным государственным визитом, а Дж. Байден находился в Индии в сентябре 2023 года, участвуя в саммите Группы двадцати (G20). Остальные двусторонние переговоры имели место на полях других форумов, включая «виртуальный Саммит за демократию» в марте 2023 года. С учётом того, что минимум два года этого периода оказались под пандемийными ограничениями, такая плотность контактов не может не привлекать внимания.

С точки зрения «китайского фактора» вновь показательным стали очередные заявления о совместной «задаче обеспечения региональной безопасности» и новые подвижки в оборонном сотрудничестве.

Речь, в частности, идёт о реализации ранее принятых соглашений об обмене разведданными, в результате чего Индии были предоставлены разведывательные беспилотники «Предатор» (*Predator*), которые, будучи формально предназначенными «для ведения наблюдения в Индийском океане», могли, по свидетельству специалистов, быть развёрнуты в Восточном Ладакхе на спорных с Китаем участках границы. В результате, согласно комментариям, индийская сторона в режиме реального времени получила доступ к информации о китайских позициях, «включая спутниковые снимки». Наблюдатели посчитали такого рода «решения Вашингтона беспрецедентным признаком укрепления сотрудничества», позволяющим Индии «успешно отразить новые потенциальное китайские военные «вторжения» [12]. В этом же ряду стоят запущенный в 2023 году Диалог по «критическим и новым технологиям», который называют «новой вехой в стратегическом партнёрстве в области обороны и технологий», а также показа-

тельные совместные военные учения, например те, что были проведены в декабре 2022 года в 100 км от района пограничных индийско-китайских столкновений лета 2020 года.

Обратимся к текстам последних официальных документов, включая «Совместные заявления США и Индии». Нельзя не заметить, что в декларациях США, в том числе в обновлённой в феврале 2022 года «Стратегии в ИТР», были ещё больше усилены обвинения в адрес КНР как единственной страны, «способной бросить вызов существующему мировому порядку» и в итоге «захватить весь земной шар». Но параллельно с этим, дальнейшее развитие в доктрине ИТР получил тезис о том, что ключевая роль в противодействии политике КНР отводится партнёрству с Индией, которая является для региона «главным поставщиком сетевой безопасности».

На этом фоне нельзя было не обратить внимания на специальный раздел Совместного заявления по итогам визита Н. Модии в США (июнь 2023 года) под названием «Создание оборонного партнёрства нового поколения». В нём были перечислены основные проекты текущего военного взаимодействия, включая те, которые предусмотрены недавними соглашениями: о совместном производстве двигателя для боевого самолёта, о закупке американских разведывательных беспилотников, о превращении Индии «в центр техобслуживания и ремонта объектов передового базирования ВМС США», об общем укреплении сотрудничества в сферах военного использования высоких технологий и искусственного интеллекта [13].

В ходе визита премьер-министра Индии и его переговоров с президентом США тема Китая традиционным образом официально не звучала. Это не помешало комментаторам вновь указать на её присутствие «в подоплёке диалога». В частности, специалисты акцентировали фактор текущей индийско-китайской напряжённости, которая ныне, «после десятилетий разрядки привела к сближению стратегических интересов между Соединёнными Штатами и Индией».

Примечательным моментом Совместного заявления 2023 года стало не только привычное отсутствие публичного упоминания Китая. Обратила на себя внимание и оценка украинского кризиса, которая не содержала критики России. На фоне нынешней тотальной антироссийской политики США это не могло означать ничего другого, как признак того, что Вашингтон учитывает «иное мнение» со стороны Нью-Дели.

ЧТО ВПЕРЕДИ?

2024 год для США и Индии – год очередных правительственных выборов. В своих двусторонних отношениях стороны подошли к этому рубежу, имея за плечами период заметного поступательного развития. К уже перечисленному можно добавить, что с начала века состоялось порядка трёх с половиной десятков американо-индийских встреч на высшем уровне, 15 из которых прошли в

рамках государственных и рабочих взаимных визитов, остальные на полях различных международных форумов (ГА ООН, G20, G7 и т.п.).

Между США и Индией проявился целый ряд взаимных стимулов – от подчёркиваемого единства ценностных демократических ориентиров до встречных интересов в экономике, энергетике и гуманитарной сфере. Своё место среди этих движущих мотивов, как показано выше, занял особый и устойчивый элемент – учёт политики КНР.

Влияние этого элемента, повторим, ощутимо. Даже внешне самостоятельный аспект двусторонней повестки – экономический, имеет известное отношение к фактору КНР. Действительно, доля растущего двустороннего товарооборота (124 млрд долл. в 2023 году) в объёме внешней торговли каждой из двух стран неуклонно увеличивается; но в последние годы это показательно происходит на фоне снижения удельного веса торговых связей Индии и США с КНР (в 2010–2023 годах доля Индии во внешней торговле США выросла с 1,4 до 2,4%; а доля США в индийской внешней торговле – с 8,1 до 14,5%. За период 2017–2023 годов доля КНР в торговом обороте Индии снизилась с 17,7 до 12,8%, а в торговом обороте США – с 13,5 до 11,5%) [14]. Та же Индия, имеющая сегодня ряд обострившихся экономических проблем с КНР, пытается компенсировать их, наращивая связи с США. Именно Соединённые Штаты сместили недавно Китай с места главного индийского внешнеторгового партнёра, американский рынок принимает сегодня свыше четверти всего индийского экспорта.

Аксиомой является факт, что и в США, и в Индии китайский фактор воспринимается с настороженностью. И в Вашингтоне, и в Нью-Дели объективно присутствуют намерения «сдержать» те проявления китайской политики, которые в обеих столицах считают для себя неприемлемыми.

Но очевидно, что оценки китайского фактора, как и следующие из этих оценок практические шаги, для каждой из сторон имеют свои особенности. США, движимые беспокойством риском утраты глобального лидерства в связи со стремительным ростом КНР, строят в рамках своей Стратегии ИТР сеть региональных опорных структур и связей, выдвинув на одно из важных мест партнёрство с Индией как страной, имеющей исторически сложные отношения с Китаем. В такой политике США не видят для себя серьёзных ограничителей. Это находит отражение в официальных американских документах, которые содержат открытые обвинения в адрес Китая и именно в данном, сугубо прагматичном контексте рассматривают «вклад Индии» в двустороннее партнёрство и «региональную безопасность».

В свою очередь, Индия, имея целый спектр нерешённых проблем с КНР (пограничная, тибетская, обострившаяся в последнее время торгово-экономическая и др.) также заинтересована в их решении на нужных для себя условиях. Поэтому она с готовностью укрепляет партнёрство с США, видя в нём усиление позиций в спорах с КНР, ведущихся в том числе и за региональное влияние в зоне Индийского океана.

Однако при схожих целевых мотивах явным диссонансом выглядит жёсткое неприятие в Нью-Дели своей какой-либо утилитарной роли в руках Вашингтона. Тем более, что политика Индии явно ориентирована на создание собственного центра регионального и глобального влияния. Не в интересах Нью-Дели и разжигание конфликта с крупной соседней страной, имеющей с Индией свыше трёх тысяч километров совместной границы.

Именно в таком понимании заключается устоявшийся сегодня экспертный консенсус, что в неуклонно крепнущем ныне американо-индийском диалоге Индия, по меньшей мере пока, намерена воздерживаться от жёсткого перехода антикитайских красных линий.

Примером, во-первых, продолжает оставаться отсутствие (в резком отличии от США) антикитайских сюжетов в официальных международных документах Индии, в выступлениях высокопоставленных чиновников. Во-вторых, индийское участие в четырехсторонней группировке Quad, по мнению многих экспертов, сдерживает появление критики Китая (а также России) в документах и этой структуры. В контексте вплетения «четвёрки» в концепцию ИТР, эксперты подчёркивают важную особенность индийского видения: в отличие от США Индия рассматривает регион не только «свободным и открытым», но и «инклюзивным», включающим все страны, а значит, и Китай [16]. К слову, к отсутствию критики Китая в документах **Quad**, по оценке специалистов, причастна и позиция Австралии [15].

В-третьих, несмотря на участие в проводимых с начала 1990-х годов военно-морских учениях «Малабар» (в них также вовлечены ныне США, Австралия, Япония) Индия, судя по всему, не спешит соглашаться на изменение статуса этих давних манёвров и превращение их в формально-официальный военный придаток группировки «четвёрки», отказывается в этом контексте от предложения США присоединиться к военно-морскому патрулированию в Южно-Китайском море вместе с Японией и Австралией [16].

Как подчёркивает один из крупных российских востоковедов А.Н. Панов, «Индия всегда придерживалась в «четвёрке» более-менее нейтральной позиции и не стремится идти на обострение отношений с Китаем. Поэтому рассчитывать на то, что Индия согласится на превращение этой организации в военно-морской блок вряд ли придется» [Панов А.Н., 2022].

Подводя черту, нельзя не согласиться и с мнением уже упоминавшегося видного отечественного международника А.В. Картунова, который констатирует, что «год за годом Индия продвигается на Запад, расширяя различные формы сотрудничества с США», причём «эту реальность следует признать, прежде чем двигаться дальше» [Картунов, 2023]. Но, по мере такого продвижения «дальше», анализ ситуации в треугольнике «США – КНР – Индия» достаточно очевидно показывает, что Нью-Дели продолжает прагматично вести здесь сложную многовекторную игру: не просто укрепляет отношения с Вашингтоном, но параллельно не оставляет двери закрытыми для полновесной нормализации отноше-

ний КНР, извлекая при этом и известные дивиденды из обострившейся в последние пять-семь лет американо-китайской конкуренции.

Среди возможных сценариев на краткосрочную перспективу наиболее вероятным просматривается вариант статус-кво: США и Индия продолжают развивать достаточно тесные и устойчивые контакты, цементируемые, в том числе, «китайским фактором», причем Индия по-прежнему будет воздерживаться от очевидных антикитайских выпадов.

Другой сценарий, намного менее вероятный, предусматривает перетекание нынешнего американо-индийского «глобального партнёрства» в форму жёсткого альянса наподобие договоров по безопасности, заключённых США с Японией и Южной Кореей. Такой альянс теоретически был бы возможен, но лишь в случае крупного и длительного индийско-китайского конфликта, наподобие пограничной войны 1962 года.

Не слишком реальной видится в ближайшие год-два и перспектива обретения американо-индийско-китайским треугольником более или менее сбалансированного характера, и влияние китайского фактора на триггеры в отношениях США и Индии утратило бы нынешнюю актуальность. Препятствием, прежде всего, служит латентная китайско-индийской напряжённость: взаимоприемлемое разведение войск на спорном участке границы в Восточном Ладакхе, а значит и комплексный возврат отношений Нью-Дели и Пекина на прежнюю траекторию устойчивого развития пока не просматриваются.

Разумеется, на все три варианта будет иметь влияние и ситуация в китайско-американских отношениях, в том числе связанная с проблемой Тайваня. Её обострение в любом случае вряд ли будет способствовать стабильности как в треугольнике, так и регионе и в мире в целом. В рамках первого, наиболее вероятного варианта не исключалась бы возможность возобновления диалога в рамках ставшего в последнее время «на паузу» трёхстороннего формата «Россия – Индия – Китай». Это способствовало бы купированию нежелательного для России, но реально происходящего дрейфа Индии – её приоритетного и «привилегированного стратегического партнёра» – в сторону США. Появились бы большие шансы и на улучшение отношений Индии с другим приоритетным стратегическим партнёром России – КНР.

ИСТОЧНИКИ

1. Clinton visit to the Indian subcontinent sets a new strategic orientation. Available at: <https://www.wsws.org/en/articles/2000/03/ind-m23.html> (accessed: 22.03.2024).

2. The America-India-China strategic triangle. *The Economist*. Aug. 2, 2007. Available at: http://www.economist.com/displayStory.cfm?story_id=9587588 (accessed: 23.03.2024).

3. Putz, C., Tiezzi, Sh. Did Hillary Clinton's Pivot to Asia Work? *The Diplomat*. April 15, 2016. Available at: <https://thediplomat.com/2016/04/did-hillary-clintons-pivot-to-asia-work/> (accessed: 23.03.2024).

4. Detlef, A. An Analysis of Contemporary US-China-India Relations. *E-International Relations*, Jul 7, 2012. Available at: <https://www.e-ir.info/2012/07/07/an-analysis-of-contemporary-us-china-india-relations/> (accessed: 31.03.2024).

5. US-India Joint Strategic Vision for the Asia-Pacific and Indian Ocean Region. MEA, January 25, 2015. Available at: <https://www.mea.gov.in/incoming-visit-de-tail.htm?24728/USIndia+Joint+Strategic+Vision+for+the+AsiaPacific+and+Indian+Ocean+Region> (accessed: 12.04.2024).

6. Torbati, Y., Ali, I. U.S., India sign military logistics agreement. August 30, 2016. Available at: <https://www.reuters.com/article/india-usa-military-idINKCN114269/> (accessed: 27.03.2024).

7. Department of Defense's June 2019 Indo-Pacific Strategy Report. Available at: <https://media.defense.gov/2019/Jul/01/2002152311/-1/-1/1/Department-of-defense-indo-pacific-strategy-report-2019.pdf> (accessed: 23.03.2023).

8. U.S. Strategic Framework For The Indo-Pacific. Available at: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2021/01/IPS-Final-Declass.pdf> (accessed: 23.03.2023).

9. Ratneshwar, J. India is among the very important partners in the Indo-Pacific-region. 21.02.2021. Available at: <https://indiandailynews.com/india-is-among-the-very-important-partners-in-the-indo-pacific-region/> (accessed: 17.03.2024).

10. 1947 – 2023. US-India Relations. Available at: <https://www.cfr.org/timeline/us-india-relations/> (accessed: 12.04.2024).

11. Razdan, Kh. US sharing of intelligence with India in border clash with China seen as pivotal in partnership. 11 Apr 2023. Available at: <https://www.scmp.com/news/china/article/3216606/us-sharing-intelligence-india-border-clash-china-seen-pivotal-partnership>. (accessed: 23.03.2024).

12. India-USA Joint Statement during the Official State visit of Prime Minister, Shri Narendra Modi to USA. June 23, 2023. Available at: <https://www.mea.gov.in/outgoing-visit-de-tail.htm?36711/IndiaUSA+Joint+Statement+during+the+Official+State+visit+of+Prime+Minister+Shri+Narendra+Modi+to+USA> (accessed: 23.03.2023)

13. Sebastian, J. India and the Indo-Pacific. 01.11.2022. Available at: <https://www.clearias.com/india-indo-pacific/>

14. India Rejects Joint Naval Patrols with US in South China Sea. Available at: <https://web.archive.org/web/20160311165044/http://www.voanews.com/content/india-rejects-joint-naval-patrols-with-us-in-south-china-sea/3231567.html> (accessed: 23.03.2023).

15. Madan T. Visit to Washington Ends Era in U.S.- India Relations. *New York Times*, September 25, 2013. Available at: <https://archive.nytimes.com/india.blogs.nytimes.com/2013/09/25/visit-to-washington-ends-era-in-u-s-india-relations/> (accessed: 07. 02.2024).

16. Special. The elephant and the Pekinese. *The Economist*, 16 March 2000. Available at: <https://www.economist.com/special/2000/03/16/the-elephant-and-the-pekinese> (accessed: 07. 02.2024).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Кортунов А.В. Теряет ли Россия Индию / Аналитические статьи. *Российский совет по международным делам*. 07.08.2023. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/teryaet-li-rossiya-indiyu/> (accessed: 11.12.2023).

Кортунов А.В. Динамика американо-индийского партнерства: взгляд из России / Аналитические статьи. *Российский совет по международным делам*. 12.09.2023 Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/dinamika-indiysko-amerikanskogo-partnerstva-vzglyad-iz-rossii/> (accessed: 11.04.2024).

Панов А.Н. АТР сегодня – это место столкновения геополитических интересов и возникновения новых конфигураций в международных отношениях. 23.05.2022. Available at: https://1national.ru/news_smi.php?rubric=view&name=aziatsko-tihookeanskij_region_segodnya_tendentsii_i_perspektivy124415 (accessed: 31.03.2024). 02.2023).

Уянаев С.В. Китай-Индия: отношения в начале нового столетия. *Проблемы Дальнего Востока*, 2009, № 1, с.19-30.

Уянаев С.В. Развитие формата «Россия-Индия-Китай» в контексте диалога Нью-Дели -Вашингтон/ Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Выпуск XXV / отв. ред.-сост. Е.И. Сафронова. – М.: ИДВ РАН, 2020. - 432 с., сс. 13-33.

Шур Е.А. Политика вовлечения и формирования союзнических отношений: Индия во внешнеполитической стратегии США при Дж. Буше-младшем и Б. Обаме. *Historia provinciae – журнал региональной истории*. 2021, Т. 5, № 2. С. 571–602. Available at: <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2021-5-2-7> (accessed: 09. 04.2024).

REFERENCE

Kortunov, A.V. Dynamics of the American-Indian partnership: a view from Russia/Analytical articles. The Russian Council for International Affairs. 12.09.2023. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/dinamika-indiysko-amerikanskogo-partnerstva-vzglyad-iz-rossii/> (accessed: 11.12.2023).

Kortunov, A.V. Is Russia losing India? /Analytical articles. The Russian Council for International Affairs. 07.08.2023. Available at: Available at: Available at:

<https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/teryayet-li-rossiya-indiyu/> (accessed: 11.12.2023).

Panov, A.N. The Asia-Pacific region today is a place of collision of geopolitical interests and the emergence of new configurations in international relations. 23.05.2022 Available at: https://1national.ru/news_smi.php?rubric=view&name=aziatsko-tihookeanskij_region_segodnya_tendentsii_i_perspektivy124415 (accessed: 31.03.2024).

Uyanaev, S.V. China-India: relations at the beginning of the new century. *Problems of the Far East*, 2009, No.1, pp.19-30.

Uyanaev, S.V. Development of the Russia-India-China format in the context of the New Delhi-Washington dialogue/ China in global and regional politics. History and modernity. Issue XXV / ed.-comp. E.I. Safronova. – M.: IFES RAS, 2020. – 432 p., DOI: 10.24411/261868882020-10001. pp. 13-33.

Shur, E. "Engagement policy and formation of allied relations: India in the US foreign policy strategy under George W. Bush and B. Obama." *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 5, no. 2 (2021): 571–602, Available at: <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2021-5-2-7> (accessed: 09. 04.2024).

Panda, A. Takeaways on US-India Relations After Modi's Meeting with Obama. *The Diplomat*. Available at: <https://thediplomat.com/2016/06/5-takeaways-on-us-india-relations-after-modis-meeting-with-obama/> (accessed: 07. 02.2024).

Pan, E. India, China, and the United States: A Delicate Balance. 27.02.2006/ The Council on Foreign Relations. 27.02.2006. Available at: <https://www.cfr.org/background/india-china-and-united-states-delicate-balance> (accessed: 07. 02.2024).

Kushre, L. Rise of China and its impact on India-US strategic relations- An analytical study. July 2023. 14.p. DOI:10.13140/RG.2.2.26419.40488/. Available at: https://www.researchgate.net/publication/372550917_Rise_of_China_and_its_impact_on_India-US_strategic_relations-_An_analytical_study (accessed: 07. 02.2024).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

УЯНАЕВ Сергей Владимирович, кандидат исторических наук, руководитель Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений, заместитель директора Института Китая и современной Азии Российской академии наук (ИКСА РАН).
Российская Федерация, 117218 Москва, Нахимовский проспект, д. 32.

Sergey V. UYANAЕV. Candidate of Sciences (History), Head, "Russia, China, World" Research Center, Deputy Director, Institute of China and Contemporary Asia of the Russian Academy of Sciences
32 Nahimovsky prosp., Moscow 117218, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 16.04.2024 / Received 16.04.2024.

Статья поступила после рецензирования 30.04.2024 / Revised 30.05.2024.

Статья принята к публикации 03.05.2024 / Accepted 03.05.2024.